DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09

СТАНОВЯЩЕЕСЯ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО. СВОДНЫЙ ПОРТРЕТ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ИСЛАМА

М.А. Сапронова, А.Л. Чечевишников, А.А. Ярлыкапов

САПРОНОВА Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор РАН, профессор кафедры востоковедения, МГИМО МИД России, Москва, email: sapronova@bk.ru; **ЧЕЧЕВИШНИКОВ Александр Леонидович,** кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: alc0202@gmail.com; **ЯРЛЫКАПОВ Ахмет Аминович,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: itbal@mail.ru

Сапронова М.А., Чечевишников А.Л., Ярлыкапов А.А. Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 122-136. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.09

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00643.

Статья поступила в редакцию: 22.09.2019. Принята к публикации: 09.12.2019

Аннотация. Проведенное авторами статьи пилотное исследование (анкетирование) круга отечественных ученых, специализирующихся на изучении современного российского ислама и российских мусульман, позволило осуществить первый опыт характеристики этого формирующегося научного сообщества. В постсоветской России такое исламоведческое сообщество складывается прежде всего на основе "советских" востоковедческих кадров и соответствующих центров. Существенную роль в его формировании играют и исламские учебные заведения, возникшие в последние десятилетия, – многие служители культа имеют светские ученые степени. В свою очередь, светские учебные и научные учреждения способствуют становлению исламских высших учебных заведений, так как исламское образование в России идет по пути синтеза религиозных и светских знаний. Значимый рост академической активности по исламской тематике произошел с 2008 г. в результате решения правительства подготовить специалистов с глубокими знаниями истории и культуры ислама, которые будут работать в исламских религиозных организациях. Большинство опрошенных ученых изучают местные мусульманские общины и ислам на региональном уровне из-за разнообразия мусульманских общин в стране. На повестку дня выходят задачи концептуализации знаний о российском исламе, выработки методов его изучения, а также выяснения места, роли и функций ислама в современном российском обществе. Оставаясь весьма мозаичным, российский ислам динамично меняется. Авторы полагают, что господствующая в настоящее время региональная исследовательская парадигма тормозит понимание процессов, происходящих в российском исламском сообществе. Необходимо составить картину развития ислама в России в целом. Полевые исследования должны вестись в разных регионах страны, чтобы создать целостную картину. Делать это следует в контексте мировой ситуации, в первую очередь – ситуации на Ближнем Востоке, а также с учетом функционирования неформальных исламских сетей. Необходима глубокая кооперация с востоковедами-арабистами.

Ключевые слова: ислам, исламоведение, российская умма, научное сообщество, востоковедение.

За последние четверть века в нашей стране выросло поколение мусульман, которое ныне формирует будущее этой мировой религии в России. При этом

явления и процессы, контекстуально связанные с исламом, противоречиво воспринимаются в общественном сознании.

Уже одна эта констатация определяет академическую и политическую актуальность исследований различных аспектов происходящей в России реисламизации. Очевидна потребность в научной рефлексии достижений и упущений государственных и общественных институтов, в выявлении генеральных тенденций и региональных особенностей, в определении векторов развития мусульманских сообществ России.

Среди широкого круга отечественных и зарубежных научных работ, посвященных новейшей истории ислама в России, существует очевидный крен в сторону проблем его политизации, а также распространения радикализма и экстремизма среди мусульман. Между тем академически некорректно и политически непрактично рассматривать эти важнейшие проблемы вне более широкого комплекса так или иначе соположенных им проблем, т.е. имея довольно смутное представление о логике происходящих процессов.

ВОССОЗДАНИЕ "ВНУТРЕННЕГО" ИСЛАМОВЕДЕНИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

В современной России ведется поиск эффективной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, находящейся во взаимосвязи с государственной национальной политикой, – с целью гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений и обеспечения гражданского мира.

Трудно переоценить роль, которую способна сыграть политическая и, шире, общественная наука в формировании и реализации такой политики. Последняя не может быть результативной вне адекватного научного восприятия процессов в российской мусульманской умме, вне понимания функций, которые исполняет сегодня в обществе ислам, а также механизмов его взаимодействия с общественной системой в целом.

В СССР изучение ислама, исламоведение – в результате в том числе государственной антирелигиозной политики – было возможно, только будучи скрытым в более широкой востоковедной тематике и по преимуществу на зарубежном материале. Впрочем, и такое криптоисламоведение могло существовать лишь с постоянной оглядкой на "компетентные органы" и на марксистские идеологемы. "Условия существования в рамках советской системы, – констатирует А.В. Торкунов, – неизбежно затормозили развитие российского востоковедения, а в чем-то – повернули его вспять" [Торкунов 2015: 15-18]. Лишь благодаря подвижничеству истинных ученых-востоковедов удалось хотя бы частично сохранить российские академические традиции. Российское востоковедение "всегда выполняло важнейшую функцию межкультурной коммуникации – преодоления острого ощущения чужеродности культуры и жизненного уклада стран Востока" [там же]. Оно никогда не носило чисто академического характера, а было тесно связано с практикой, государственными интересами и общественными потребностями.

В условиях "социалистического общества" ислам, как и другие религиозные системы и практики, рассматривался как один из феноменов общественной жизни. Основное внимание ученых было сосредоточено на выявлении причин и факторов, порождающих потребность в религиозном "восполнении действительности", на социальных истоках и корнях "пережитков ислама", его воспроизводства. Марксистами-религиоведами была проделана работа по

формулированию методологических принципов социологического изучения религии, рассмотрению процессов "религиозного отражения действительности" в его сложной, многоступенчатой опосредованности другими социальными явлениями.

Ислам как таковой в СССР можно было изучать свободно лишь в историческом ключе. Так, интенсивно развивалось источниковедение, в частности изучение эпиграфики и арабографических рукописей. Появлялись и собственно исторические исследования развития ислама в России до начала XX в.[1] В сферу внимания этнографов-религиоведов современный ислам попадал только как конгломерат верований, содержащих главным образом так называемые "доисламские верования". Сложилась советская этнографическая школа, изучавшая домонотеистические, в том числе и доисламские, верования, из которой в основном и вышло современное российское этнографическое исламоведение[2].

После 1991 г. исламоведение в России начинает постепенно отделяться, автономизироваться от востоковедения. К проблемам современного российского ислама обращаются арабисты, традиционно специализирующиеся на проблематике Ближнего Востока и Северной Африки, – Р.Г. Ланда, А.В. Малашенко, А.А. Игнатенко, В.О. Бобровников, А.А. Кудрявцев, С.М. Прозоров, Л.Р. Сюкияйнен и др. Впрочем, большинство из них в этот период продолжало рассматривать и изучать ислам на глобальном уровне, делая акцент на его политизации в конце XX в. и на роли исламских партий и движений в политике зарубежных государств.

"Исламское пробуждение" на Востоке и сам ислам стали рассматриваться как гипотетическая угроза и оппозиция существующим светским режимам. Начинается осмысление процессов исламизации восточных обществ, отказа от идеи секуляризации, а теория "политической модернизации" подвергается критике. Ислам перестает восприниматься как единая религиозная система – исследователи выделяют в нем отдельные течения и движения, условно определяя их как "традиционно-ортодоксальные", "реформаторско-модернистские" или "возрожденческие". Усилия направляются на изучение характера и особенностей конкретных движений. Такой дифференцированный подход позволяет обобщить накопленный обширный фактический материал, а также сделать некоторые теоретические выводы. Основное разграничение касалось различий между "исламом элиты" и "исламом оппозиции" как дестабилизирующим фактором.

Применительно же к исламоведению "внутреннему"[3] уместно констатировать, что после 1991 г. как самостоятельная дисциплина оно формируется фактически заново. Накопление научного и богословского опыта идет параллельно с процессом становления исламского образования. Но характерные для советской эпохи подходы к изучению религии продолжают оказывать противоречивое влияние на исследования.

К началу 2000-х годов, несмотря на значительные трудности, исламскому духовенству удалось заложить основы образовательной системы. Затем эта

[1] России касались, например, следующие публикации: [Генко 1941; Климович 1936; Ковалевский 1956; Эпиграфические памятники... 1966, 1968; 1980; Оразаев 1987; Шихсаидов 1969, 1984].

[2] См., например [Авксентьев 1979, 1984; Басилов 1970; Булатов 1990; Гаджиев 1991; Керейтов 1979; Климович 1958; Лавров 1959; Трофимова 1965].

[3] Здесь следует зафиксировать недостаточность русского академического языка, который не позволяет нам лаконично отделить исламоведение "внутреннее" от исламоведения "внешнего", при том что такая потребность очевидна.

система совершенствовалась, трансформируясь с выраженной региональной спецификой [см. например Ярлыкапов 2003; Хайрутдинов, Алмазова 2016]. Кардинально меняется отношение к исламу, который теперь рассматривается как условие духовного развития общества и поддерживается государством. Образовательно-просветительские возможности ислама нашли свои формы реализации на базе российских законов[4]. Открытие в 2017 г. Болгарской (Булгарской) исламской академии завершило формирование трехуровневой организационной структуры образовательного процесса.

В этот же период продолжается процесс осмысления историками, политологами и востоковедами феномена "политического ислама", ведется поиск ответов на вопросы о роли и месте ислама в мировой и региональной политике[5]. Данная проблематика была актуализирована и событиями так называемой арабской весны на Ближнем Востоке, и антитеррористической операцией РФ в Сирии. Одновременно появляется важная дискуссионная тема – "евроислам" и его место в российских реалиях, а также процессы "возрождения ислама" ("джадидизм") – как продолжение рассмотрения идентичности российского ислама. Ставится вопрос о необходимости сохранения "татарского ислама" в условиях размывания "северокавказского" и "поволжского" культурно-исторических ареалов.

Накопленный к этому времени массив материалов об исламе в постсоветской России поставил на повестку дня вопрос о необходимости поиска новых теоретических и методологических подходов к его изучению. Дискуссия о применении новых теорий и подходов была начата И.В. Стародубровской и другими известными исламоведами в 2017 г. в рамках круглого стола "Что происходит в современном исламе: попытка концептуализации" [Круглый стол... 2017]. Дискуссия нашла живой отклик среди отечественных исламоведов. В частности, В.О. Бобровников опубликовал довольно подробный отзыв на попытку концептуализации происходящих в российском исламе изменений как "исламской реформации". Он показал, что большинство участников дискуссии не принимают такой концептуализации, призывая "сменить ракурс изучения ислама и нарратив его аналитического описания" посредством использования возможностей дискурсивного и сетевого анализов [Бобровников 2018: 319-320].

Имевшая место дискуссия, зафиксировав многие важные моменты, не привела к масштабированию понимания исламских реалий. Остается актуальной характеристика, данная более десятилетия назад академиком В.В. Наумкиным: "О российском исламе написано очень много; часто пишут и те, кто плохо разбирается в его особенностях, истории, тех факторах, которые определяют нынешнее состояние дел в российской мусульманской умме"; а то, что публикуется, "как правило, носит описательный характер, а иногда, к сожалению, несет следы политического заказа" [Наумкин 2008: 639]. "Внутреннее" исламоведение, как, впрочем, и сформированная в постсоветские годы система исламского образования, пока не обеспечили качественного изменения ситуации. Задачей отечественных

[4] Прежде всего, Конституции РФ, федеральных законов "Об образовании" от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ, "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 № 125 (в ред. от 13.07.2015 г.).

[5] В 2000-е годы стали также появляться исследования, рассматривающие вопросы историографии современного российского ислама [Королева, Королев 2007; Мирзаханов 2016], хотя до качественной систематизации всех вышедших работ еще далеко. В контексте этой проблематики кафедра востоковедения МГИМО разработала и осуществляет актуальный проект – издание серии учебных пособий по магистерскому курсу "Ислам в мировой политике". В настоящий момент изданы тома "Ислам в мировой политике в начале XXI века" (2016); "Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока" (2017); "Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности" (2018); "Исламские партии и движения в странах Востока" (2020).

ученых остается создание "адекватных работ об исламе в России... переход к его беспристрастному изучению с использованием всех доступных как письменных, так и устных первоисточников, а также современных электронных, аудио- и видеоматериалов" [Аликберов, Бобровников, Бустанов 2018: 14-15].

ПОТРЕБНОСТЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Авторы статьи, стремясь внести посильный вклад в упомянутую дискуссию, задались вопросом – силами каких научных школ, какими университетами, научными центрами и группами ученых будут создаваться "адекватные работы"? В 1990-е и 2000-е годы фундаментальные работы по исламу (коллективные и индивидуальные монографии) были написаны представителями самых разных научных сфер и направлений и в различных российских регионах[6]. Приходится констатировать, что повышенный интерес к тематике российского ислама, результатом которого стали многие исследования, зачастую не только не сопровождается адекватной систематизацией самой исследовательской среды, но даже не подразумевает соответствующую проблематизацию. *Отсутствует представление о том, что являет собой в настоящее время научное сообщество, профессионально изучающее исламскую проблематику современной России.* При этом изучение исследовательских сообществ – довольно развитое направление социологии науки. В западной социологии и социальной антропологии изучение академических сообществ насчитывает, как минимум, пять десятилетий [например Hagstrom 1965; Becher, Trowler 1989; Bourdieu 1988; Latour, Woolgar 1986].

В России наиболее изученным исследовательским сообществом являются сами социологи. В отличие от западных коллег, российские социологи сконцентрировались на изучении локальных академических сообществ, самое изученное среди которых – петербургское[7]. Попытки авторефлексии предпринимались и отечественными этнографами. Наиболее яркими являются работы

[6] Прежде всего следует указать на серию работ по исламу, которую с 2000 г. выпускает Казанский федеральный университет, – "Ислам в мультикультурном мире". Данное издание географически охватывает ряд регионов Приволжского и Южного федеральных округов, приводятся сводные статьи по Уральскому, Сибирскому, Дальневосточному федеральным округам. С 2007 г. Духовное управление мусульман РФ совместно с Казанским федеральным университетом и Московским исламским институтом реализуют серийное издание – энциклопедический словарь "Ислам в Российской Федерации" (12 томов по отдельным мусульманским регионам). Коллектив авторов Института Африки РАН под руководством доктора исторических наук И.В. Следзевского реализует издательский проект "Исламистские радикальные движения на политической карте современного мира" [Исламистские радикальные... 2017], в котором, в том числе, подробно анализируются география и демографические перспективы ислама в отдельных регионах, показаны общие тенденции развития исламистских движений, а также их региональные особенности постсоветского периода. В коллективной монографии "Российский ислам: очерки истории и культуры" [Аликберов и др. 2018] в центре внимания ислам в его страновом измерении, его история и связанные с нею легенды, формирование богословских и правовых школ, религиозных практик и социальных сетей мусульманских сообществ. Ряд работ по профильной проблематике принадлежит перу Р.А. Силантьева, в частности книга "Ислам в современной России. Энциклопедия" [Силантьев 2008].

[7] Интересные результаты были получены в ходе работы над проектом "Петербургская социология после 1985 года: Институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста", который осуществляли ученые Европейского университета в Санкт-Петербурге. В частности, в сообществе петербургских социологов были выделены три основных сегмента, "в значительной степени изолированных друг от друга", концентрирующихся вокруг одной или нескольких организаций, "проводивших собственные мероприятия и издававших собственные журналы и книжные серии" [Соколов 2012: 80]. С результатами изучения локального сообщества петербургских социологов можно ознакомиться в работах Ф.А. Погорелова, М.А. Сафоновой, М.М. Соколова [Сафонова 2012; Погорелов, Соколов 2005; Соколов 2012]. Большой интерес представляет также исследование российской социологической элиты А.В. Кнорре и М.М. Соколова [Кнорре, Соколов 2013a, 2013b].

Т.Б. Щепанской, однако ее интересуют этнографы как одно из "племен", без рассмотрения специфики производства научного знания [Щепанская 2008a, 2008b].

В 2018 г. авторы этой статьи предприняли попытку подготовить словарь-справочник [Ислам и мусульмане... 2018], который дал бы *"сводный портрет" российских исследователей, занимающихся проблематикой современного ислама и мусульманского сообщества России, выявил приоритеты их исследований.* Разумеется, у авторов имелись гипотетические представления о предмете будущего исследования, позволившие очертить круг основных научных центров, университетов и мусульманских организаций, в которых осуществляется изучение современного ислама в России. В первую очередь были охвачены исследовательские организации, расположенные в традиционных исламоведческих центрах – Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Уфе, Махачкале. В сфере внимания были и многие Духовные управления мусульман, и исламские учебные заведения, в которых также ведутся исследования современного мусульманского сообщества. Именно таким – не "чисто" академическим – и оказалось сообщество "внутренних" исламоведов.

ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве метода исследования было избрано анкетирование. Анкета состояла из следующих пунктов:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Образование (учебное заведение, год окончания, полученная специальность).
3. Ученая степень (тема диссертации, год и место защиты).
4. Ученое звание (год присвоения, организация).
5. Основное место работы, должность.
6. Публикации (по заданной проблематике).

Анкета была разослана 2 февраля 2018 г. по 65 адресам – в университеты, исламские центры и муфтияты, а также конкретным исследователям, предварительный список которых был составлен до рассылки на основе имеющихся представлений исследовательского коллектива. Авторы исходили из своей экспертной оценки, согласно которой генеральная совокупность исследователей современного российского ислама не может превышать ста человек. Ожидаемая в результате информация должна была обеспечить адекватное представление об этом формирующемся научном сообществе[8].

К середине апреля 2018 г. был получен отклик от 48 исследователей, чьи биобиблиографические справки и нашли отражение в изданном по итогам справочнике. Предложенные вопросы способствовали выявлению географии исследователей, их возрастных характеристик, базового образования и длительности исследования исламской тематики.

Относительно презентации публикаций первоначальная идея заключалась в том, чтобы собрать те работы, в которых рефлексируются процессы, протекавшие с 1990 г. по настоящее время. Однако по мере поступления анкет стало ясно, что таких публикаций слишком мало, и потому пришлось расширить круг включаемых в справочник публикаций за счет тех, чья предметная область – XX век.

[8] В процессе обработки заполненных анкет участники исследовательского коллектива пришли к пониманию неполноты анкеты, по меньшей мере, в одном важном аспекте. Необходим также вопрос о научном руководителе (консультанте) соискателя ученой степени. Такая информация позволит сделать выводы о формирующихся научных школах. Данный недостаток будет устранен при подготовке нового издания справочника.

Особенностью словаря-справочника стало объединение под одной обложкой молодых и маститых исследователей, а также представителей академического сообщества и религиозных деятелей, ведущих исследования в регионах России. Такое объединение является актуальным, в частности, в связи с тем, что многие служители культа имеют светские ученые степени и прилагают свои силы как в религиозных организациях, так и в светских учебных и научных учреждениях, а также с учетом того, что исламское образование в нашей стране пошло по пути синтеза религиозных и светских знаний. Исламские высшие учебные заведения сотрудничают с так называемыми университетами-партнерами, помогающими им в реализации исламских программ и методик обучения, с тем чтобы содействовать синтезу классического религиозного и академического образования [Сапронова, Чечевишников 2019].

Пилотное исследование позволило сделать некоторые промежуточные выводы.

1. *Возрастной состав*.

1930-1940 годы рождения – 1.
1940-1950 годы рождения – 6.
1950-1960 годы рождения – 10.
1960-1970 годы рождения – 7.
1970-1980 годы рождения – 18.
1980-1990 годы рождения – 5.

Старейший исследователь 1931 г. рождения, самый молодой – 1986 г. рождения.

2. *Образование*.

Исследователи имеют разнообразное образование, не обязательно одного профиля. Например, исследователь может иметь естественно-научный бэкграунд, а затем защитить диссертацию на исламоведческую тему. Соответственно, он имеет и естественно-научное образование, и специальную исламоведческую подготовку. Поэтому общая сумма превышает количество охваченных исследователей:

а) исследователи, имеющие религиозное образование: 4;

б) исследователи, имеющие естественно-научное образование: 10;

в) исследователи, имеющие гуманитарное образование: 40;

г) исследователи, имеющие специальную подготовку (степень по исламоведческой тематике): 31.

3. Динамика публикационной активности.

Год публикации	Количество публикаций	Количество монографий	Количество публикаций на английском языке
1992			
1993	1		
1994	2	2	
1995	2	1	
1996	5		
1997	2		
1998	8	2	1
1999	13	3	
2000	15	1	
2001	15	2	1
2002	10	1	

2003	17	3	1
2004	15	3	1
2005	17	2	1
2006	25	3	1
2007	18	5	1
2008	26	5	1
2009	40	3	3
2010	40	6	2
2011	50	7	5
2012	41	3	3
2013	50	8	1
2014	61	3	6
2015	70	4	4
2016	83	10	4
2017	97	8	5

Мы видим, что с середины 2000-х годов наблюдается всплеск публикационной активности, пик которой пока пришелся на 2015-2017 гг. Связано это отчасти с тем, что импульс научным исследованиям был дан в 2007 г. распоряжением Правительства РФ № 775 от 14.06.2007, утвердившим "План мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама" для работы в исламских религиозных объединениях (служителей культа, преподавателей исламских учебных заведений, служащих аппаратов духовных управлений и издательств). В том же году был создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, в задачи которого вошло оказание грантовой поддержки образовательной, научной и издательской деятельности, осуществляемой мусульманскими учебными заведениями. И именно с 2008 г. количество публикаций увеличивается в два раза по сравнению с предыдущим годом. Впрочем, увеличение числа публикаций идет в основном за счет статей, очерков и докладов на научных конференциях, что в немалой степени обусловлено возобладавшей и в России логикой стимулирования именно журнальных публикаций. Количество вышедших монографий увеличивается незначительно. Практически нет и динамики в публикационной активности на английском языке.

4. *Тематика публикаций*.

Темы исследований	Количество авторов, занимающихся данной проблематикой
Богословие. Философия ислама, общие вопросы	31
Ислам в отдельных регионах и городах	40
Исламская экономика и финансы	1
Культура и образование	21
Неофициальный ислам, проблемы радикализма и экстремизма	15

Проблема политического ислама является одной из наиболее актуальных в мировой политической науке. Трансформационные процессы, происходившие в последние годы на Ближнем Востоке, деятельность террористической организации ИГИЛ (запрещенной в России) и других подобных образований, оказывающих существенное влияние на некоторые исламские государства – все это вновь актуализировало проблему борьбы с религиозным экстремиз-

мом. Для России эта проблематика имеет особую значимость как с точки зрения внутренней безопасности, так и во внешней политике.

Особенно показательно, что большинство опрошенных исследователей занимается проблематикой именно локальных мусульманских общин и ислама на региональном уровне. Такие работы вносят значительный вклад в формирование понимания ситуации в отдельных регионах и специфики функционирования в них мусульманской уммы. Анализ этнических и национальных особенностей имеет большую ценность, так как без него "невозможно понять общую картину положения мусульман в современной России и выявить политические, социально-экономические и духовные корни тех причин, которые обостряют ситуацию в отдельных регионах" [Мирзаханов 2016].

На втором по популярности месте – вопросы богословия и философии, что обусловлено продолжающимся осмыслением российских традиций исламского богословия, особенно такого яркого явления, как джадидизм. Зачастую богословские и философские проблемы поднимаются в связи с рассмотрением проблем политического ислама, экстремизма и терроризма.

Крайне мало работ по исламским финансам и экономике, несмотря на популярность этого направления в исламских странах. Представлены они главным образом исследованиями Р.И. Беккина, которых уже явно недостаточно для осмысления не только широкого распространения среди российских мусульман элементов исламской экономики и финансов, но и в целом религиозных оснований их экономического сознания и поведения. О том, насколько эта сфера актуальна – и в России, и на постсоветском пространстве в целом, – свидетельствует, например, то, что увидевшая свет более 10 лет назад книга Р.И. Беккина "Исламская экономическая модель и современность" [Беккин 2009; 2010] была переиздана в Ташкенте на узбекском языке [Беккин 2019].

На протяжении уже многих лет идет дискуссия о природе "традиционного" и "нетрадиционного" ислама в России, а именно о том, насколько правомерны отдельные догматические отклонения в мусульманском вероучении. Сторонники "традиционного" ислама подчеркивают "значительный позитивный адаптационный потенциал ислама, позволивший в различных территориальных, экономических, этнических и исторических условиях российских регионов выстроить гармоничную и непротиворечивую концепцию российского ислама" [Агишев 2018]. Сторонники противоположной точки зрения, апеллируя к авторитету мусульманских лидеров зарубежных стран (прежде всего арабских), заявляют о необходимости "очищения ислама". Соответствующие исследования можно выделить в отдельный блок изучаемых вопросов.

Анализируя формирующееся сообщество исследователей ислама в постсоветской России, можно говорить о наличии условий для проведения дальнейших – как более общих, так и прикладных – исследований специфики ислама в отдельных регионах. Очевиден недостаток работ, касающихся вопросов взаимодействия с государственными институтами, деятельности духовных мусульманских организаций. Все еще мало работ, в которых анализировались бы конкретные формы бытования ислама, неформальных исламских сообществ, распространенности тех или иных религиозных и политических концепций среди мусульман России. В связи с ростом миграции из мусульманских стран в Россию и повышением роли мигрантских групп в исламском сообществе нашей страны настоятельно необходимы исследования взаимодействия российских мусульман и мусульман-мигрантов, особенно в таких контактных зонах, как крупные города, Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Современное состояние ислама, разумеется, не повторяет, не возобновляет старое – вековой и более давности. Влияние ислама на общество ослабло. Вместе с тем, утраченная в советскую эпоху интегративная функция вновь вышла на первый план, ислам стал фактором, способным объединять, интегрировать жизнь общества; ислам (в лице мусульманских организаций) имеет поддержку со стороны органов власти. При этом проблематизация социальных функций ислама (как и вообще – религии) вышла из фокуса общественного обсуждения и научного изучения, усилился интерес к изучению "традиционного" ислама через исследование внутриобщинных связей.

В целом же пилотное исследование показало, что сообщество исследователей российского ислама находится на стадии становления – в значительной мере из-за того, что в советское время такого рода исследования были фактически запрещены. Происходит становление научных центров (в Москве, Петербурге, Казани и Махачкале – вокруг существовавших востоковедческих центров, в Уфе – на основе региональных исследовательских инициатив), формируются школы вокруг известных исследователей. Публикационная активность растет, увеличивается и тематическое разнообразие публикаций.

Та система исламского образования, которая ныне формируется в России, сочетает в себе собственно конфессиональные и светские, государственные элементы. При этом государственные усилия, направленные на ее становление, не преследуют цель огосударствления. Парадокс состоит в том, что в России, значительная часть населения которой исповедует ислам, приходится практически заново создавать систему исламского образования. Это обусловливает специфичность возникающих форм и технологий: в частности, лишь единицы выпускников отечественных исламских вузов работают по специальности. Нуждается в оптимизации и система государственной поддержки развития исламской науки и исламского образования.

* * *

Исламская религия в России за последние 30 лет прошла значительный путь. В одних регионах это было возрождение с последующим развитием традиционных для них форм. Во многих других – реисламизация, которая иногда накладывалась на традиционную матрицу, а иногда и вовсе ее не учитывала. Кроме того, в результате активных постсоветских миграций исламская религия стала составной частью религиозного ландшафта тех регионов, где она не была ранее широко распространена. Изменилась – порой до неузнаваемости – картина распространения толков и направлений ислама, само исламское поле стало до крайности мозаичным. Все эти изменения делали важным и практически незаменимым труд исламоведа "в поле". Только он способен эту мозаику прочесть и внятно представить научному миру.

Одна из главных задач исламоведения сегодня – изучение современного состояния исламского сообщества страны. А это невозможно без выхода из региональной парадигмы, которая доминирует в отечественной науке. Необходимо составить картину развития ислама в России в целом. Полевые исследования должны вестись в разных регионах, чтобы создать целостную картину. Делать это следует в контексте мировой ситуации, в первую очередь – ситуации на Ближнем Востоке.

Для того чтобы понимать, что происходит в современных мусульманских сообществах, исследователю необходимо знать, что современные мусульмане читают, смотрят и слушают. Необходима глубокая кооперация с востокове-

дами-арабистами. В том числе с теми, кто работает с историческими рукописями и знает, что и кого читали в мусульманских регионах России в XX в. Это важно для понимания того, насколько изменились духовные ориентиры мусульман, чего следует ожидать и с чем придется иметь дело.

Мусульманское сообщество России меняется качественно – происходит активное переформатирование исламского пространства. Мозаизация ислама не влечет за собой четкой, стабильной картины – эта мозаика пребывает в непрерывной динамике, которую необходимо изучать. На исламском поле все активнее проявляют себя неформальные исламские сети, привлекая внимание политических субъектов. Исследование этих сетей – одна из важнейших задач исламоведения в России.

За постсоветские годы мусульманское сообщество России прошло через значительные трансформации, которые продолжаются по сей день. Именно это является главным мотивом повышенного научного интереса и дальнейшего развития сообщества исследователей российского ислама.

DOI: 10.17976/jpps/2020.02.09

FORMING A SCIENTIFIC COMMUNITY. A CONSOLIDATED PORTRAIT OF RESEARCHERS OF RUSSIAN ISLAM

M.A. Sapronova[1], A.L. Chechevishnikov[1], A.A. Yarlykapov[1]

[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

SAPRONOVA, Marina Anatol'evna, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Oriental Studies, School of International Relations, MGIMO University, email: sapronova@bk.ru; **CHECHEVISHNIKOV, Alexander Leonidovich**, Cand. Sci. (Hist.), Deputy Director, Institute for International Studies, MGIMO University, email: alc0202@gmail.com; **YARLYKAPOV, Akhmet Aminovich**, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Center for the Caucasian Studies and Regional Security, Institute for International Studies, MGIMO University, email: itbal@mail.ru

Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L., Yarlykapov A.A. Forming a Scientific Community. A Consolidated Portrait of Researchers of Russian Islam. – Polis. Political Studies. 2020. No. 2. P. 122-136. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.09

Acknowledgements. This research is supported by Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-011-00643.

Received: 22.09.2019. Accepted: 09.12.2019

Abstract. Based on the survey conducted among Russian scientists who specialize in studying Islam in Russia, the first attempt to characterize the formation of this scientific community has been made. The Soviet era suppressed studying Islam in the USSR, although scientists had an opportunity to carry out research on Islam abroad. Consequently, post-Soviet communities of Islamic scholars in Russia emerged from Soviet Research Centers of Oriental Studies and include "Soviet" orientalists. Islamic schools, which have appeared in the last decade, also play a significant role in their formation. Many clergy have secular academic degrees. Secular educational and scientific institutions, in their turn, contribute to the establishment of Islamic universities, as Islamic education in Russia synthesizes religious and secular knowledge. Researchers into Islam often have a diverse education, and do not necessarily specialize in one sphere. A scientific background can be accompanied by a thesis on Islamic studies. Since 2008, an increase in academic activity on Islamic topics has taken place, as a result of the government's decision to train specialists with a deep knowledge of Islamic history and culture who could work in Islamic religious organizations. This primarily refers to publications in journals, since the number of monographs, as well as works in English, does not increase. The majority of scholars questioned studying local Muslim communities and Islam at a regional level due to the diversity of Muslim communities in the country. Studying Russian traditions in Islamic theology, especially Jadidism, also has attracted scientists' attention. For a number of years, the Muslim community has been involved in a discussion on the nature of "traditional" and "non-traditional" Islam in Russia. Theological and philosophical issues

are raised in connection with those of political Islam, extremism, and terrorism. There are virtually no works on Islamic finance and economy, as well as there being a lack of research related to the interaction between the state and Islam and the activities of religious Muslim organizations. There are also no studies of Russian Muslims and Muslim migrants' interaction. Remaining very mosaic, Islam in Russia is changing dynamically. The authors believe that the currently prevailing regional research paradigm inhibits understanding of the processes occurring in the Russian Islamic community. It is necessary to provide an extensive insight into Islam development in Russia. In order to create a holistic picture, field research should be conducted in different regions of the country. This should be done taking into account the global situation, primarily the situation in the Middle East, and also considering the existence of informal Islamic networks. Deep cooperation with scholars in Arabic studies is needed.

Keywords: Islam, Islamic Studies, Russian ummah, scientific community, Oriental Studies.

References

Becher T., Trowler P.R. 1989. *Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Culture of Disciplines*. Philadelphia, PA: The Society for Research into Higher Education; Open University Press.

Bourdieu P. 1988. *Homo Academicus*. Cambridge: Polity Press.

Hagstrom W. 1965. *The Scientific Community*. New York: Basic Books.

Latour B., Woolgar S. 1986. *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton: Princeton University Press.

Agishev R.R. 2018. The Study of Regional Peculiarities of Islam in the Russian Federation in Modern Times. – *The Modern Muslim World. International Journal of Russian Islamic University (Kazan)*. No. 3. URL: https://islamjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/ID42.pdf (accessed 02.06.19). (In Russ.)

Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. 2018. *Rossijskij islam: Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Avksent'ev A.V. 1979. O kharaktere proyavleniya religioznykh perezhitkov v Karachaevo-Cherkesii [About the Nature of Manifestation of Religious Relics in Karachay-Cherkessia]. – *Problemy ateisticheskogo vospitaniya v usloviyakh Karachaevo-Cherkesii* [Problems of Atheistic Education in Karachay-Cherkessia]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 15-40. (In Russ.)

Avksent'ev A.V. 1984. *Islam na Severnom Kavkaze* [Islam in the North Caucasus]. Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 287 p. (In Russ.)

Basilov V.N. 1970. *Kul't svjatyh v islame* [The Cult of Saints in Islam]. Moscow: Mysl. 144 p.

Bekkin R.I. 2009. *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'* [Islamic Economic Model Nowadays]. Moscow: Mardjani Publishing House. 336 p. (In Russ.)

Bekkin R.I. 2010. *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'* [Islamic Economic Model Nowadays]. 2nd ed., revised and updated. Moscow: Mardjani Publishing House. 367 p. (In Russ.)

Bekkin R.I. 2019. *Islom iqtisodiy modeli va zamon* [Islamic Economic Model Nowadays]. Tashkent: O'zbekiston. 360 b. (In Uzbek.)

Bobrovnikov V. 2018. Paradoxes in the Study of Contemporary Islam in Russia. – *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 1. P. 310-322. (In Russ.) http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-310-322

Bulatov A.O. 1990. *Perezhitki domonoteisticheskikh verovanii narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Relics of the pre-Monotheistic Beliefs of the Peoples of Dagestan]. Makhachkala: Dagknigoizdat. 266 p. (In Russ.)

Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 1. Nadpisi X–XVII vv. 1966. Teksty, perevody, kommentarii, vvedenie i prilozheniya L.I. Lavrova [Epigraphic monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 1. Inscriptions of X–XVII centuries. 1966. Texts, Translations, Comments, Introduction and Applications of L.I. Lavrov]. Moscow: Nauka. 261 p. (In Russ.)

Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 2. Nadpisi XVIII–XX vv. 1968. Teksty, perevody, kommentarii, stat'ya i prilozheniya L.I. Lavrova [Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 2. Inscriptions of XVIII–XX Centuries. 1968. Texts, Translations, Comments, Article and Applications of L.I. Lavrov]. Moscow: Nauka. 242 p. (In Russ.)

Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i turetskom yazykakh. Chast' 3. Nadpisi X–XX vv. Novye nakhodki. 1980. Teksty, perevody, kommentarii, stat'ya i prilozheniya L.I. Lavrova [Epigraphic Monuments of the North Caucasus in Arabic, Persian and Turkish. Part 3. Inscriptions of X–XX Centuries. New Finds. 1980. Texts, Translations, Comments, Article and Applications of L.I. Lavrov]. Moscow: Nauka. 168 p. (In Russ.)

Gadzhiev G.A. 1991. *Doislamskie verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana* [Pre-Islamic Beliefs and Rites of the Peoples of the Mountainous Dagestan]. Moscow: Nauka. 182 p. (In Russ.)

Genko A.N. 1941. Arabskii yazyk i kavkazovedenie. O znachenii arabskikh materialov dlya izucheniya istorii Kavkaza [The Arabic Language and Caucasian Studies. On the Importance of Arabic Materials for Studying the

History of the Caucasus]. – *Trudy vtoroi sessii Assotsiatsii arabistov. 19-23 oktyabrya 1937 g.; Trudy Instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Second Session of the Association of Arabists. Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. With a foreword by I.Yu. Krachkovsky (Ed.). Moscow; Leningrad. P. 81-110. (In Russ.)

Islamistskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira [Islamist Radical Movements on the Political Map of the Modern World]. Issue 2. Severnyi i Yuzhnyi Kavkaz [North and South Caucasus]. 2017. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. 608 p. (In Russ.)

Kereitov R.Kh. 1979. Nekotorye relikty doislamskikh verovanii u nogaitsev [Some Relics of pre-Islamic Beliefs Among Nogais]. – *Problemy ateisticheskogo vospitaniya v usloviyakh Karachaevo-Cherkesii* [Problems of Atheistic Education in Karachay-Cherkessia]. Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 104-110. (In Russ.)

Khayrutdinov R.R., Almazova L.I. 2016. Between the Horns of a Dilemma: Monitoring Educational Materials for Islamic Universities in Tatarstan. – *Islam in the Modern World*. Vol. 12. No. 4. P. 229-238. (In Russ.) https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-4-229-238

Klimovich L. *Islam v tsarskoi Rossii. Ocherki* [Islam in Tsarist Russia. Essays]. Moscow: Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatel'stvo. 408 p. (In Russ.)

Klimovich L.I. 1958. *Obryady, prazdniki i kul't svyatykh v islame* [Rites, Feasts and Cult of Saints in Islam]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 63 p. (In Russ.)

Knorre A.V., Sokolov M.M. 2013a. "Heavyweights" of Russian Sociology: Experience of Measuring Scientists' Status and Resources. – *Sociological Studies*. No. 10. P. 77-87. (In Russ.)

Knorre A.V., Sokolov M.M. 2013b. *Zvezdy i bossy: proiskhozhdenie i kompozitsiya rossiiskoi sotsiologicheskoi elity* [Stars and Bosses: Russian Sociological Elite's Background and Composition]. Preprint. Tomsk. URL: http://past-centre.ru/wp-content/uploads/2013/09/KnorreSokolov_Sociological_establishment.pdf (accessed 02.06.19). (In Russ.)

Koroleva L.A., Korolev A.A. 2007. "Euroislam" in Post-Soviet Russia: Historiography. – *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. No. 4. P. 53-54. (In Russ.)

Kovalevskii A.P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii* [The Book of Ahmad ibn Fadlan about his Journey to the Volga in 921-922. Articles, Translations and Comments]. Kharkov: Kharkov University Publishing House. 345 p. (In Russ.)

Lavrov L.I. 1959. *Doislamskie verovaniya adygeitsev i kabardintsev. Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovanii. Trudy Instituta etnografii* [Pre-Islamic Beliefs of the Adygeis and Kabardians. Studies and Materials on Primitive Religious Beliefs. Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. 51. Moscow; Leningrad: Nauka. P. 193-236. (In Russ.)

Mirzakhanov D.G. 2016. Political Islam in Modern Russia: Historiography of Issue. – *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 16. No. 4. P. 474-478. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-474-478 (In Russ.)

Naumkin V.V. 2008. *Islam i musul'mane: kul'tura i politika. Stat'i, ocherki, doklady raznykh let* [Islam and Muslims: Culture and Politics (Written over the Years)]. Moscow; Nizhny Novgorod: Medina. 768 p. (In Russ.)

Orazaev G.M.-R. 1987. "North Caucasian Turki" in the System of Turkic Regional Written Languages of the XVI–XX Centuries. – *Soviet Turkology*. No. 3. P. 47-52. (In Russ.)

Pogorelov F.A., Sokolov M.M. 2005. Academic Markets, Segments of Profession and Intellectual Generations: Fragmentation of St. Petersburg Sociology. – *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. VIII. No. 2. P. 76-92. (In Russ.)

Round-Table: What Is Happening in the Islamic World? An Attempt at a Conceptualization (Irina Starodubrovskaya, Orkhan Jemal, Emil Pain, Vasily Kuznetsov, Dmitry Uzlaner, Akhmet Yarlykapov). 2017. – *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 3 (35). P. 265-299. https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-265-299 (In Russ.)

Safonova M.A. 2012. Network Structure and Identity in Local Sociologists' Community. – *Sociological Studies*. No. 6. P. 107-120. (In Russ.)

Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L. 2019. Islamic Education in Russia – a Peculiar Model? – *Law and Education*. No. 6. P. 4-14. (In Russ.)

Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L., Yarlykapov A.A. (eds.) 2018. *Islam i musul'mane postsovetskoi Rossii v rabotakh otechestvennykh issledovatelei (1992–2017). Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik* [Islam and Muslims of post-Soviet Russia in the works of domestic researchers (1992-2017). Bio-bibliographic dictionary]. Moscow: MGIMO University. 82 p. (In Russ.)

Shchepanskaya T.B. 2008a. Nauchnaya rabota kak povsednevnaya praktika: zhenskii vzglyad [Scientific Research as Daily Practice: a Female Perspective]. – Chistov Yu.K., Rubtsova M.A. (eds) *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeinye proekty MAE RAN* [Radlov Readings: Scientific research and Projects of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography in 2007]. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). P. 377-386. (In Russ.)

Shchepanskaya T.B. 2008b. Simvolicheskie reprezentatsii znaniya v neformal'nom diskurse "polya" [Symbolic Representation of Knowledge in Informal Discourse]. – Komarova G.A. (ed.). *Antropologiya ak-*

ademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii [Academic Life Anthropology and Adaptive Strategies]. Moscow: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. P. 100-140. (In Russ.)

Shikhsaidov A.R. 1969. *Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.)* [Islam in Medieval Dagestan (VII-XV Centuries)]. Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR [Institute of History, Language and Literature of the Dagestani Branch of the Academy of Sciences of the Soviet Union]. 252 p. (In Russ.)

Shikhsaidov A.R. 1984. *Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [Epigraphic Monuments of Dagestan from the X–XVII Centuries as a Historical Source]. Moscow: Nauka. 460 p. (In Russ.)

Silantiev R.A. 2008. *Islam v sovremennoi Rossii. Entsiklopediya* [Islam in Modern Russia. Encyclopedia]. Moscow: Algorithm. 576 p. (In Russ.)

Sokolov M.M. 2012. Studying Local Academic Communities. – *Sociological Studies*. No. 6. P. 76-82. (In Russ.)

Torkunov A.V. 2015. The Lazarev Institute: Cradle of Russian Oriental Studies. – *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 9-22. (In Russ.) http://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.03

Trofimova A.G. 1965. Iz istorii religioznykh obryadov vyzyvaniya dozhdya i solntsa u narodov Yuzhnogo Dagestana [From the History of Religious Rites to Cause Rain and Sun Among the Peoples of the Southern Dagestan]. – *Azerbaidzhanskii etnograficheskii sbornik* [Azerbaijani Ethnographic Collection]. Issue 2. Baku: Izdatel'stvo AN Azerbaidzhanskoi SSR. P. 97-111. (In Russ.)

Yarlykapov A.A. 2003. Islamic Education in the North Caucasus: Then and Now. – *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica]. No. 2 (21). P. 5-31. (In Russ.)

Литература на русском языке

Авксентьев А.В. 1979. О характере проявления религиозных пережитков в Карачаево-Черкесии. – *Проблемы атеистического воспитания в условиях Карачаево-Черкесии*. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы. С. 15-40.

Авксентьев А.В. 1984. *Ислам на Северном Кавказе*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. 287 с.

Агишев Р.Р. 2018. Изучение региональных особенностей ислама в Российской Федерации в новейшее время. – *Современный мусульманский мир*: электронный журнал. № 3. URL: https://islamjournal.ru/wp-content/uploads/2018/09/ID42.pdf (accessed 02.06.2019).

Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. 2018. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. М.: Институт востоковедения РАН. 455 с.

Басилов В.Н. 1970. *Культ святых в исламе*. М.: Мысль. 144 с.

Беккин Р.И. 2009. *Исламская экономическая модель и современность*. М.: Марджани. 336 с.

Беккин Р.И. 2010. *Исламская экономическая модель и современность*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Марджани. 367 с.

Бобровников В. 2018. Парадоксы изучения современного ислама в России. – *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1. С. 310-322. http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-310-322

Булатов А.О. 1990. *Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в.* Махачкала: Дагкнигоиздат. 266 с.

Гаджиев Г.А. 1991. *Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана*. М.: Наука. 182 с.

Генко А.Н. 1941. Арабский язык и кавказоведение. О значении арабских материалов для изучения истории Кавказа. *Труды второй сессии Ассоциации арабистов. 19-23 октября 1937 г.; Труды Института востоковедения*. Вып. XXXVI. Под ред. и с предисл. акад. И.Ю. Крачковского. Москва; Ленинград. С. 81-110.

Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017). Биобиблиографический словарь-справочник. 2018. Сост. М.А. Сапронова, А.Л. Чечевишников, А.А. Ярлыкапов. М.: МГИМО-Университет. 82 с.

Исламистские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. 2017. М.: Институт Африки РАН. 608 с.

Керейтов Р.Х. 1979. Некоторые реликты доисламских верований у ногайцев. – *Проблемы атеистического воспитания в условиях Карачаево-Черкесии*. С. 104-110. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы.

Климович Л. 1936. *Ислам в царской России. Очерки*. М.: Государственное антирелигиозное издательство. 408 с.

Климович Л.И. 1958. *Обряды, праздники и культ святых в исламе*. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во. 63 с.

Кнорре А.В., Соколов М.М. 2013a. "Тяжеловесы" российской социологии: опыт измерения статуса и ресурсов ученых. – *Социологические исследования*. № 10. С. 77-87.

Кнорре А.В., Соколов М.М. 2013b. *Звезды и боссы: происхождение и композиция российской социологической элиты*. Препринт. Томск. URL: http://past-centre.ru/wp-content/uploads/2013/09/KnorreSokolov_Sociological_establishment.pdf (accessed 02.06.2019).

Ковалевский А.П. 1956. *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии*. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та. 345 с.

Королева Л.А., Королев А.А. 2007. "Евроислам" в постсоветской России: к историографии вопроса. – *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. № 4. С. 53-54.

Круглый стол: "Что происходит в современном исламском мире: попытка концептуализации" (Ирина Стародубровская, Орхан Джемаль, Эмиль Паин, Василий Кузнецов, Дмитрий Узланер, Ахмет Ярлыкапов). 2017. – *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 3. С. 265-299. https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-265-299

Лавров Л.И. 1959. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. – *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды Института этнографии*. Т. 51. С. 193-236. М.: Наука.

Мирзаханов Д.Г. 2016. Политический ислам в современной России: историография проблемы. – *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 16. Вып. 4. С. 474-478. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-474-478

Наумкин В.В. 2008. *Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет*. М.; Н. Новгород: Издательский дом "Медина". 768 с.

Оразаев Г.М.-Р. 1987. "Северокавказский тюрки" в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв. – *Советская тюркология*. № 3. С. 47-52.

Погорелов Ф.А., Соколов М.М. 2005. Академические рынки, сегменты профессии и интеллектуальные поколения: фрагментация петербургской социологии. – *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. VIII. № 2. С. 76-92.

Сапронова М.А., Чечевишников А.Л. 2019. Исламское образование в России – собственная модель? – *Право и образование*. № 6. С. 4-14.

Сафонова М.А. 2012. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов. – *Социологические исследования*. № 6. С.107-120.

Силантьев Р.А. 2008. *Ислам в современной России. Энциклопедия*. М.: Алгоритм. 576 с.

Соколов М.М. 2012. Изучаем локальные академические сообщества. – *Социологические исследования*. № 6. С. 76-82.

Торкунов А.В. 2015. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 9-22. https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.03

Трофимова А.Г. 1965. Из истории религиозных обрядов вызывания дождя и солнца у народов Южного Дагестана. *Азербайджанский этнографический сборник*. Вып. II. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР. С. 97-111.

Хайрутдинов Р.Р., Алмазова Л.И. 2016. Меж трех огней: мониторинг учебно-методологической литературы для исламских вузов Татарстана. *Ислам в современном мире*. Т. 12. № 4. С. 229-238. https://doi.org/10.22311/2074-1529-2016-12-4-229-238

Шихсаидов А.Р. 1969. *Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.)*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. 252 с.

Шихсаидов А.Р. 1984. *Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник*. М.: Наука. 460 с.

Щепанская Т.Б. 2008a. Научная работа как повседневная практика: женский взгляд. – *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г.* Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН. С. 377-386.

Щепанская Т.Б. 2008b. Символические репрезентации знания в неформальном дискурсе "поля". – *Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии*. Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 100-140.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 1. Надписи X-XVII вв. 1966. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука. 261 с.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 2. Надписи XVIII-XX вв. 1968. Тексты, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука. 242 с.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X–XX вв. Новые находки. 1980. Тексты, переводы, комментарии, статья и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука. 168 с.

Ярлыкапов А.А. 2003. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем. – *Вестник Евразии*. № 2 (21). С. 5-31.

Литература на узбекском языке

Беккин Р.И. 2019. *Ислом иқтисодий модели ва замон*. Тошкент: O'zbekiston НМИУ. 360 b.